

БОРИС ИПАТОВ

и коллектив авторов «ЧЕРНИЛЬНИЦА»

18+

**ДОРОГА
ДЛЯ ДВОИХ**

Борис Ипатов
Дорога для двоих

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ипатов Б.

Дорога для двоих / Б. Ипатов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Что такое «Дорога для двоих»? Это плод работы целой плеяды талантливых авторов. Это девять рассказов — самостоятельных, но при этом тесно переплетённых между собой. Это калейдоскоп голосов, эпох и миров, сменяющих друг друга со взмахом крыльев бабочки. А ещё это Путь, который никто не в силах одолеть в одиночку. Отважишься ли ТЫ ступить на него?..

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ или ТА ЧАСТЬ КНИГИ, КОТОРУЮ НИКТО НЕ ЧИТАЕТ	6
Пролог: ПАЛОМНИКИ (автор – Борис Ипатов)	8
МЕЖДУ СВЕТОМ (автор – Илья Фахрутдинов)	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

В оформлении обложки использована иллюстрация автора Stefan Keller с сайта <https://pixabay.com/> по лицензии СС0.

Автор иллюстраций к рассказам: Мария Галуцак.

ПРЕДИСЛОВИЕ или ТА ЧАСТЬ КНИГИ, КОТОРУЮ НИКТО НЕ ЧИТАЕТ

Ну а что, разве нет? Лично я эту часть обычно пролистывал. По крайней мере, в детстве. Что в ней может быть интересного? В лучшем случае – какая-нибудь занимательная история из жизни автора, подвигнувшая его написать сей опус. В худшем – мудрёный многостраничный комментарий с пояснениями того и сего от критика/переводчика/редактора/внучатого племянника подружки троюродной сестры автора (нужное подчеркнуть), почему-то решивших, что ты, дорогой читатель, в этих пояснениях обязательно нуждаешься.

И всё-таки иногда без этой части не обойтись. Особенно когда работаешь с таким непростым материалом, как *коллективная повесть* – а я настаиваю, чтобы «Дорога для двоих» воспринималась именно так.

Безусловно, каждый рассказ «Дороги...» можно рассматривать и в отрыве от остальных, как самоценное произведение: сюжетно они никак друг с другом не связаны. Ты запросто можешь начать читать, скажем, с третьего рассказа, полностью проигнорировав первые два; никаких трудностей в понимании происходящего это у тебя не вызовет.

И всё же помни, что перед тобой не просто сборник разрозненных историй. Это полотно, скроенное девятью авторами из разных героев, времён и мест, которые, тем не менее, неразрывно связаны друг с другом не всегда уловимыми на первый взгляд мелочами. Это мозаика из девяти осколков: каждый рассказывает свою, отдельную историю, но все вместе они – ещё одна, большая история.

История двух душ, скользящих рука об руку сквозь время и пространство.

ИТАК, С ЧЕГО ЖЕ НАЧАЛАСЬ «ДОРОГА ДЛЯ ДВОИХ»?

Идея проекта впервые проклюнулась в теперь уже далёком 2015 году, во время очередного заседания астанинского литературного клуба «Пегас». На тот момент всё выглядело простенько и невинно: поэты (каковых в «Пегасе» большинство) изъявили желание попробовать свои силы в прозе, накропав по небольшому рассказику. Было только одно обязательное для всех условие. Каждый из авторов должен был включить в свой рассказ чисто символический общий элемент – запах жжёного сахара. Так сказать, для единообразия. Почему-то тогда это нам показалось забавным.

Ну, а дальше закрутилось.

Первый этап работы был самым бурным. Собrania, дискуссии, мозговые штурмы проводились едва ли не каждую неделю. Новые идеи принимались и отбрасывались. Авторы приходили и отсеивались под гнётом мук творчества, идейных противоречий и банальной лени, пока не выкристаллизовался окончательный состав – тот, который ты, собственно, можешь увидеть, заглянув в содержание книги.

Совместное авторство – это, конечно, отдельный разговор. Подчас и двоим соавторам бывает тесновато в рамках общего творения, а уж если таких соавторов девятёрка, тут остаётся только идти ва-банк: либо всё, либо ничего. И мы пошли.

Не скажу, что всё было гладко. Были и задоринки, и сучки, однако надо отдать должное терпению и энтузиазму ребят: каждый из них был открыт для сотрудничества и готов идти на уступки. Без этого проект накрылся бы медным тазом ещё в зародыше.

Ещё одной важной вехой в истории «Дороги...» стало появление в ней маленького чуда по имени Мария Галушак – молодой, но очень талантливой художницы родом из Алматы. Маша самоотверженно вызвалась проиллюстрировать наши рассказы и, невзирая на критиче-

скую нехватку времени, с блеском довела дело до конца. Проникнувшись каждой историей, она сумела создать серию невероятных по своей глубине и красоте иллюстраций, которые привнесли в наш проект новые, дополнительные смыслы и метафоры и ещё ярче подчеркнули его самобытность. Вне всякого сомнения, без её вклада эта книга многое потеряла бы.

Что касается самих рассказов, на их написание и полировку ушёл почти год. Ещё год заняло прописывание интерлюдий, призванных стать той связующей нитью, на которую мы планировали нанизать все работы – как бусины на ожерелье. Что тут скажешь: мы никуда не торопились и дедлайнов себе не ставили. Предпочли работать медленно, но верно.

Внезапно на каком-то этапе мы ощутили, что наши рассказы будто бы взаимодействуют друг с другом. Они общались, словно живые существа, проникали друг в друга, срастались тонкой сетью внутренних отсылок и всевозможных «пасхалок» – как явных, так и скрытых. Это было похоже на игру в «Снежный ком»: кто-то из авторов вводил новый элемент, а все остальные подхватывали его, добавляли к нему что-то от себя и пускали дальше. На наших собственных глазах проект обретал форму, объём и трансформировался в нечто гораздо большее, чем просто сборник прозы от поэтов.

Что именно из всего этого вышло в конечном итоге – судить, конечно, уже тебе, мой друг. Мы же, как авторы, можем дать тебе только один напутственный совет: отправляясь в путешествие по «Дороге для двоих», попробуй также смотреть на неё, как на своеобразную игру. Ищи в ней тайные связи и подсказки. Позволь ей говорить с тобой.

Ведь кто такие эти таинственные «двое» из названия, если не ты и та история, что вот-вот откроется перед тобой?..

*Борис Ипатов,
Астана, Казахстан,
18 октября 2017 г.*

Пролог: ПАЛОМНИКИ (автор – Борис Ипатов)

*То, что гусеница называет Концом Света, Учитель называет бабочкой.
«Иллюзии», Ричард Дэвис Бах*

Индра так и не смогла привыкнуть к ощущениям, сопровождавшим Прыжок. Даже после стольких лет странствий в этих чувствах неизменно находилось что-то новое – нюансы, соцветия, грани, полутона, дотоле неизведанные, незамеченные, нераскрытые. Возможно, причина – в том, что ей ещё ни разу не доводилось дважды совершать его с одними и теми же Плясунами. Или двух одинаковых Прыжков не может быть в принципе?

...Синеватые стволы уходили ввысь, сливаясь над головою в сплошной свод, теряясь во мраке. Отовсюду доносились еле слышные шуршание и шелест местных обитателей. Невидимая луна цедила меж деревьев свои лимонные лучи. Чуткий олень прислушался к возне за кустами и тут же канул в лес...

Ровный, поставленный голос продолжает начитывать текст в наушниках-«ракушках» – будто бы нарочито безмятежно, самым своим звучанием входя в диссонанс с тем, что творится сейчас вокруг.

...Андре бежал – хотя нет, правильнее будет сказать – прорывался через чащу. Обильная листва хлестала его по щекам, ветви свивались на шее и на груди, низкие стебли охватывали колени, словно намеренно чиня ему препятствия. Рубашка Андре липла ко взмокшей спине, желудок пел серенады от голода, а два тяжёлых саквояжа оттягивали правую руку. Фонарь в левой давно уже погас. Путник тяжело дышал.

И тем не менее, он не мог позволить себе остановиться ни на секунду. Он не видел своих преследователей, зато слышал их более чем отчётливо: они перекликались в ночи гулким, хриплым лаем, подвывая от азарта...

Люди напряжены и сосредоточены. Мышцы дрожат, наполняя воздух звоном. Все взоры прикованы к нише в полу, до краёв наполненной маслом, и к двум телам в ней – нагим, лоснящимся, скользящим и порой переплетающимся в столь замысловатые фигуры, что Индра уже не может с уверенностью определить, где заканчивается одно из них и начинается другое.

Движения Плясунов плавны, неторопливы и отточены многократным повторением, но отнюдь не наиграны, не замылены. Кожа трётся о кожу. Плоть проникает в плоть. Простое проявление любви, размыкающее пространство и время.

Люди смотрят неотрывно, возбуждённо, и всё же никто не пытается трогать себя даже украдкой. В этом причудливом акте вуайеризма нет ни капли похоти – одно лишь безграничное благоговение.

...начали покидать его. И вот, в тот самый миг, когда он почти готов был сдаться на растерзание незримым когтям и клыкам, он увидел то, что меньше всего ожидал здесь увидеть. В просвете между деревьями, прямо перед ним мелькнуло сиреневое платьице, и раздался смех – тонкий, переливчатый, похожий на звон бубенцов...

Плясуны постепенно начинают замедлять свой танец, подводя это завораживающее действие к своему завершению. В воздухе над ними вдруг проявляется странное оптическое явление: что-то преломляет свет, и он начинает струиться по неспешно сжимающейся двойной

дуге, точно обтекая некую преграду, очерчивая её огненным контуром, больше всего напоминающим крылья гигантского мотылька. Это сворачивается Поле Искращения, запоздало понимает Индра. «Крылья» всё уменьшаются, тают – до тех пор, пока не исчезают совсем.

Остаются только двое в масляной ванне. Мужчина и женщина. Разбитые и продрогшие. Прыжок отнял у них практически все силы. Того, что осталось, им едва хватает, чтобы самостоятельно подняться на ноги. На их трепещущие плечи тут же накидывают хламиды и спешно уводят вглубь корабля.

Одновременно с этим купол залы становится прозрачным. Публика разражается многоголосым восторженным вздохом.

Земля!

Она нависает над их головами величественным сияющим монументом – памятником самой себе.

В ней мало осталось от того, какой Индра её помнила. Теперь это грандиозное полотно, щедро расписанное всеми возможными оттенками синего и белого, с редкими вкраплениями бурого, серого и чёрного, кажется совершенно остывшим и безжизненным. С севера шапка ледников подступает почти к самому экватору. Поразительно, как там кто-то ещё может жить.

...На мгновение Андре застыл, как вкопанный, позабыв обо всём – даже о том, что на него идёт охота: так велико было его удивление. Но смех зазвенел с новой силой, совсем рядом, и Андре внезапно понял, что его зовут. «Следуй за мной! – говорил смех. – Доверься мне! Я выведу тебя отсюда». И Андре доверился.

Тотчас же у него точно открылось второе дыхание. Лихо перемахивая через прожорливые пасти буераков и змеистые щупальца корней, уворачиваясь от тянущихся к нему многопалых сучьев, он полетел на этот чудный серебристый звук – его последний маяк во мгле крошечной безнадёги...

Со всей грацией, на какую только способна неуклюжая, тысячетонная консервная банка, «Вильварин» совершает пируэт в невесомости, готовясь к стыковке. С этого ракурса через купол виден крохотный бесформенный комочек, от которого к поверхности планеты тянется едва приметная нить – точь-в-точь высосанная пауком муха, болтающаяся на паутинке. Впрочем, Индре прекрасно известно, что в космосе все пропорции обманчивы: на деле «муха» – это колоссальнейшая конструкция, простирающаяся на многие сотни километров и без труда способная вместить в себе дюжины кораблей подобных «Вильварину».

Такова она, Вавилонская башня нового времени. Последний уцелевший мост между людьми, что живут на небесах, и богами, что обретаются на земле.

Весь процесс стыковки занимает около часа. Пассажиры покидают корабль через разверзшийся шлюз и единым потоком движутся к гидравлической платформе, которая должна доставить их напрямиком вниз – в лоно мира, некогда их породившего.

Пока они со скоростью пули мчатся навстречу ледяной поверхности, голос чтеца сопровождает Индру неотступно:

...Когда же и эти силы стали иссякать, лес неожиданно выпустил его из своих объятий: стволы деревьев расступились в стороны, открыв взору Андре невероятного размера поляну, утопающую в лунном свете. Чтобы пройти её из конца в конец, понадобилось бы полчаса, не меньше.

Но даже не это было самым занятным.

Посреди поляны, на вершине могучего кособокого холма возвышался дом...

«Он больше не в силах что-либо изменить, – не то думает, не то подхватывает Индра отголосок чьей-то давным-давно затерявшейся мысли. – Не в силах. Как и я».

Бело-голубая твердь стремительно приближается к ней.

МЕЖДУ СВЕТОМ (автор – Илья Фахрутдинов)

*Жадно пьёт нектар
Бабочка-однодневка.
Осенний вечер.
Мацуо Басё*

I

«Я больше не в силах что-либо изменить».

Вагон метро, словно горячий эритроцит, заряженный кофеином, несся сквозь подземные артерии города. Кислый запах человеческого пота смешался с ароматом цветочных и фруктовых эссенций и пропитывал каждого в этой душной капсуле. Множество людей, занятых каждый своим, спешили в неизвестных направлениях.

«Торопятся», – подумал я с тянущим чувством зависти. Урвать улетающую жизнь, рассмотреть бесконечного феникса и отпустить, не в силах более сдерживать. У каждого из них есть нечто – запас, но никто не может похвастаться количеством. Всем по чуть-чуть, понемногу.

Продолжая рассматривать попутчиков, я прислонился затылком к холодному стеклу и посмотрел вверх, на люминесцентные линии. Искусственный свет. Всё существование стало искусственным, подпитываемым иллюзорными мечтами и сверхтехнологичными товарами. Всё, чтобы заставить забыть о тонких материях человечности. Мы достигли вершины прогресса, и это медленно нас пожирает.

Перенаселение. Люди, ходящие по головам друг друга.

А ведь всего несколько десятилетий назад онкология свирепствовала на Земле. Но пробил светлый час, когда все новостные сводки кричали большими буквами: «РАК ПОБЕЖДЁН!». Бледные, потерявшие волосы люди потянулись в клиники за волшебной инъекцией. Спустя время те же новостные порталы уже печатали интервью с последним победившим опухоль героем. Каждый верил, что всех ждёт светлое будущее.

При помощи науки человечество справилось с бедностью и войнами, перейдя к модели почти утопического общества. К сожалению, такая модель не живёт долго, но осознание этого пришло слишком поздно...

Я помню, как мы из Швеции отправлялись на заполярные российские станции, чтобы перенять опыт устройства жизни в условиях низких температур. Помню, как пили ледяную водку и парились в суровых северных банях. Как русские кричали: «Какой ты Андерш? Ты же наш! Андрюха ты!», – и после всего этого чокались. Это у них называлось «заложить за воротник». Странные русские. За полгода экспедиции мы сроднились, и когда прощались, скупые мужские слезы замерзали прямо на щеках и жгли.

Скоро выяснилось, что все северные земли освоены и там живут счастливые люди, строят семьи и свой быт. А Китай стал стремиться ввысь: новые разработки в области строительства подтвердили великое звание Поднебесной.

Но карточный домик рано или поздно рухнет. Первый тревожный сигнал поступил с теплиц и полей. Плодородных земель становилось всё меньше и меньше, а количество людей росло в геометрической прогрессии. Попытки заменить овощи и фрукты синтетикой провалились. На составление программ взвешенного рациона и полноценного питания были брошены силы лучших диетологов со всего мира.

Справились на первое время...

Вот только цепная реакция уже была запущена: за продовольствием потянулось всё остальное.

– «Сольна-центрум», – объявил искажённый голос сквозь ретрансляторы.

Живая масса людей нескончаемым потоком разливалась по одной из самых красивых станций метрополитена. Я вышел из вагона последним и спокойным шагом направился к эскалаторам. Механическая лестница потянула по красному, выдолбленному в скальной породе туннелю, к поверхности, создавая впечатление, будто поднимаешься по гортани к самому рту. Множество людей уже у выхода в город становились разноцветной рвотой, выплёскивающейся на тёмные улицы, залитые неоном от множества витрин. Моё пальто контрастировало с радужной бессонной жизни, и я решил добираться до своего жилища маленькими параллельными улочками.

Ключ медленно повернулся в замке, и я, войдя в квартиру, освободился от тяжёлых ботинок, что весь день вызывали дискомфорт. Коридор был с гардеробом и полками. Всё на своих местах: несколько пар рабочих, тёплой обуви, в гардеробе – пальто, куртка и пиджак. Я щёлкнул переключателем, и гостиная ожила мягким светом торшера, стоявшего рядом с диваном.

В квартире не было люстр. Только светильники. Встречались и свечи. Яркий свет напоминал о семейном уюте, которого в моей жизни не было уже год, поэтому всё освещение я сменил на дешёвые источники света из ИКЕА. Подойдя к бару и бросив в тамблер три кубика льда, наполнил его восемнадцатилетним односолодовым виски. Давая напитку остыть и впустить в себя талую воду, решил умыться.

Ледяная вода обожгла испещрённые мелкими морщинами щёки. Я взглянул на себя в зеркало: вымотанный пятидесятилетний мужчина в рубашке с туго завязанным галстуком. «Белый воротничок». Полярные исследования сменились офисом с водой из кулера и воздухом из ионизатора. Измерительные приборы – планшетом и компьютером. Разговоры под холодным звёздным куполом – молчанием на общей кухне.

Взяв бокал и пульт от стереосистемы со стола, нажал на кнопку воспроизведения и сел на диван. Комната наполнилась кристально-чистым звуком джаза – последней радостью в моём беличьем колесе.

Растворяясь в удивительных фортепианных пассажах великого Телониуса Монка, голова пустела, а тело расслаблялось с каждым новым глотком «воды жизни».

II

«Я больше не в силах что-либо изменить».

Мысли пробивались сквозь нескончаемый шум городского метрополитена. До моей конечной точки оставалась ещё пара станций.

Появилась.

Я повернула руку внутренней стороной запястья, чтобы вновь убедиться: появилась сегодня утром. Прошло уже восемь часов, а я всё ещё не верила. Словно крутящаяся монетка на столе, рука поворачивалась по моему велению то тыльной стороной ладони, то внутренней, и каждый раз взору представала татуировка. Подарок современного режима.

Acherontia styx.

Отвратительного, жёлто-чёрного окраса бабочка из семейства бражников, рода «мёртвые головы». Предвестник конца.

Перестав поворачивать кисть, я откинулась на холодное стекло мчащегося вагона. Люминесцентные иглы пронизывали потолок, освещая тех немногих, кто в столь поздний час куда-то направлялся. Я же еду домой. Сегодня утром жизнь потеряла всякий смысл. А был ли он?

До ухода Йоргена я была уверена, что встречу этот нелёгкий момент не одна. Месяц, ровно месяц назад, появился его бражник. Он позвонил, сказал, что хочет уехать в свои родные земли – небольшой портовый городок Лулео, – повидать тех, кто хранит воспоминания о нём. Я не была против, просто не могла противиться его желанию. Лишь сказала: «Береги себя», на что он нехорошо ухмыльнулся. Мне осталась маленькая квартирка в панельном доме, недалеко от станции «Неккрусен». Одна небольшая комната с типичной скромной шведской мебелью и кухня с квадратным столом и двумя стульями. Кому-то это жильё достанется от меня, но я не знаю будущих хозяев – таковы правила.

Лучшие мировые специалисты по международным отношениям пришли к простому решению проблемы перенаселения. Запланированная смерть. Каждому человеку в соответствии с его местом рождения выделялось определённое количество лет. Столичным жителям везло меньше всего: около тридцати. Отдалённым северным городкам – почти шестьдесят, целая жизнь. Исключения – работники медицины, сферы образования, политики и, конечно же, представители поколений, которым ещё не вживляли капсулу при рождении.

Татуировка на руке лишь предупреждала, что у меня остался месяц. По прошествии этого времени необходимо было явиться в государственное учреждение носившее название «Институт Аида», фасад которого украшала латинская фраза «*Memento mori*», дававшая понять – сбе-

жать не удастся. Тех, кто не приходил, злой рок всё равно настигал, но уже со страшными мучениями.

Институт представлял собой трёхэтажное здание. Цокольный этаж, оборудованный под крематорий, находился под землей. Человек – лишь материал. Жир шёл на изготовление мыла, часть органов на медицинские исследования, а кости превращались в прах. На мою долю жителя северной столицы пришлось, как оказалось, тридцать два года. Йоргену – тридцать семь. Наверное, его душа уже покоится; мы не держали связь после его ухода.

– Станция «Некрусен», – объявили через громкоговорители.

Мне пора было выходить. Тихий район вдалеке от сердца Стокгольма в сумерках превращался в декорации фильма в жанре нуар. Неподалёку от станции можно было увидеть небольшую группу молодых людей. Продавцы и покупатели. Когда люди поняли, что их время отмерено заранее, решили пробовать в жизни всё. Наркотики не были исключением. Умрёшь ты сейчас или через годы – не имеет значения. У всех были свои планы на последний месяц: кто-то уходил в горы, кто-то ехал в Норвегию, чтобы прыгнуть с Языка Тролля и свести счёты красивейшим способом, кто-то оставался с семьёй.

Я не знала, что мне делать. Семьи нет, путешествовать не хотелось, а идти раньше времени в «Институт» даже невообразимо. А вдруг всё-таки обойдётся? Надежда – самое сильное, что течёт по моим венам.

– Эй, не хочешь порезвиться? – крикнули из тёмного переулка.

Ускорив шаг, в несколько мгновений оказалась перед подъездом. Наскоро повернув ключ и захлопнув за собой дверь, почувствовала себя в безопасности. Татуировка снова попала на глаза.

«Какой неистребимый инстинкт самосохранения», – ехидно подумала я про себя.

Через два лестничных пролёта стояла уже перед своей квартирой, держа в руках контейнер с фастфудом, который дала мне соседка, попавшаяся навстречу.

– Есть ужин. Отлично. – Кажется, я на грани сумасшествия. Но мне больше не с кем было говорить, кроме как с собой.

Зайдя в квартиру, освободилась от верхней одежды, поставила в микроволновую печь еду и стала переодеваться. Накинув на себя только футболку, открыла бар и изучила ряд разных бутылок. Жребий пал на французское вино, *Chateau Cantemerle* – красное сухое. Из кухни послышался звук готовности пищи. Взяв бокал, я устроилась напротив окна и наблюдала, как падает снег, освещаемый тускло-жёлтым сиянием уличных фонарей.

III

Мне не грозило появление бражника на запястье. Я из последнего поколения, кого миновала участь отсчёта времени. Спустя год после моего рождения были введены жёсткие меры контроля жизни. Большинство тех, с кем я ездил в экспедиции, уже превратились в посеребрённые сосуды на чьих-то каминах. Друзья, знакомые, коллеги – всех забирал бражник. Помню, как они боялись появления татуировки. Торопились жить: прыгали с парашютом, угощались кокаином, путешествовали в страны «третьего мира», спали со всеми без разбору, играли в рок-группах.

К сожалению, моя вторая половинка была уже из нового – как его называли, «скоростного» поколения. Я знал, что рано или поздно *Acherontia styx* появится и на её запястье, но гнал эти мысли прочь. Она не говорила, как хочет провести свои последние дни, и мы старались не обсуждать это. А потом в один из дождливых дней, я нашел записку на кухонном столе с единственным словом: «Люблю». Она даже точку не поставила. Знаки препинания могут многое рассказать: ставя точку, мы подразумеваем конец – уверенный и необратимый; используя многоточие, даём адресату надежду. А здесь...

Лишь «Люблю»...

Когда я увидел то послание, – ещё даже не узнал содержания, – внутри меня уже всё опустилось, было страшно развернуть листок бумаги. И тонкие, округлые линии её букв врезались в самое сердце так глубоко, что не было слов кричать. Я опустился на стул и, молча, смотрел в окно, думая, что не в силах что-либо изменить.

С тех пор минуло уже больше года. Каждый день был пуст. Смотря по утрам в зеркало, я задавался лишь одним вопросом: «Зачем?». И, как запрограммированный, отправлялся в мир обречённых. Или счастливых?

Что меняется в нашей жизни, когда мы знаем, что спустя тридцать дней превратимся в пыль? Мне этого никогда не постичь.

Бытие задаёт только вопросы. И, прожив годы, накопив опыт, мы лишь на миллиметр приближаемся к истине.

Сидя в баре отеля, я искал свою истину на дне янтарной смеси виски и лайма.

– Мистер Ханссон, ещё одну? – спросил бармен, глазами указывая на пустеющий бокал.

– Будь добр, Мио.

– Конечно сэр. – Он по-дружески улыбнулся мне, забирая тамблер.

Коллеги с работы однажды советовали заказать девочку, дабы отвлечься от всех этих мыслей, но я так и не решился. Ведь может статься, что я окажусь последним её клиентом. Поэтому, чтобы поддерживать психику на должном уровне, я иногда выпивал и говорил с барменом. Иногда это спасало.

Не знаю почему, но мысль о самоубийстве я сразу отбросил, думая: вдруг что случится, и всё вновь качнётся ближе к свету.

– Сэр, а каково это? – Бармен вырвал меня из потока размышлений.

– Что? – И, тут же поняв, к чему он клонит, продолжил: – Быть последним на земле «живым»?

– Да, – осёкся Мио, понимая, что задал неуместный вопрос.

– Дерьмово. Ведь все, кого ты встречаешь на пути, наверняка уйдут раньше тебя.

Мио замолчал. Затем закатал манжет рубашки и показал своего бражника.

– Вчера появился, – грустно произнес он. – Посоветуйте что-нибудь, мистер Ханссон. Не знаю, что теперь.

– Если б я знал...

IV

Небо над Стокгольмом с каждым мгновением становилось всё мрачнее. Дождь был неминуем. Тяжёлые октябрьские тучи осязаемо давили на грудь, сумерки сгущались, и то тут, то там зажигались уличные фонари. Прозрачные витрины магазинов пропускали свет, а тёплые окна баров и ресторанов манили к себе.

Я торопилась с работы домой, в свою уютную клетку, закрыться и ждать. Ждать завтрашнего дня, а завтра уже ждать послезавтра, и так, считая часы, идти к другому свету, не зная, что за ним.

Пошёл дождь, и словно что-то рухнуло с моих плеч: тяжесть, боль утрат, ожидание ответов, проклятые рабочие будни. Всё перестало иметь значение с первыми каплями, и я замедлилась. Жизнь внезапно замерла, затихла, оставляя меня в гармонии между вопросами и ответами. Наступил внутренний порядок.

Сатори.

Выдохнув и оглядевшись по сторонам, я увидела мужчину, сидевшего ко мне спиной за барной стойкой одного из отелей. Словно картина Эдварда Хоппера, он выглядел так одиноко. Перебежав через улицу, я вошла в бар. Он посмотрел через плечо прямо на меня. Кольнуло

в самое сердце. На миг показалось, что мне нечем дышать. Карие глаза, подчёркнутые тонкими линиями морщин. Потухший взгляд, выражающий необъятный жизненный опыт, и в то же время кажется, что десятью этажами выше ему разбили сердце. И вот он здесь. Смазывает шестерёнки души виски.

– Белое вино, пожалуйста.

Я выбрала пустое место через один стул от этого мужчины. На нём был строгий костюм, но верхняя пуговица рубашки была расстегнута, а галстук – развязан. Это придавало ему усталый вид.

Он вновь посмотрел на меня.

– Мисс, добрый вечер. – Выдержав паузу и немного склонив голову в мою сторону, продолжил: – У Мио, этого замечательного бармена, вчера появился бражник. Конечно, это не моё дело, но смотрю, у вас тоже он есть. Не подскажите, что же ему дальше делать, а то я не советчик в этих делах. – Он показал свои запястья.

Пусты.

На взгляд ему было около сорока пяти, и я знала, что у него просто обязана быть татуировка предвестника. Но очевидный факт немного сбил меня с толку.

– Вы – «последний»? – спросила я.

– Да. – Он отвёл взгляд и тяжело вздохнул.

Его реакция меня вдруг взбесила: у него есть самое ценное – время, а он просто сидит в баре.

– Злитесь? – Его слова будто были адресованы не мне, и, не дав парировать, он тут же продолжил: – Между нами нет разницы. Да, мне пятьдесят. У меня есть всё – здоровье, дом, работа. А смысла нет. Жену бражник «унёс» год назад. Дети, спросите вы? Они из такого же поколения. В восемнадцать бросились за мечтой. Сын разбился на мотоцикле на горном серпантине Италии: он сам этого хотел. Лишь позвонил и произнёс: «Мам, пап, я купил мотоцикл, бабочка на руке». Дочь бросилась со здания, которое сама же проектировала. Хотите еще подробностей?

– Извините.

Всё внутри сжалось. Если я до сих пор не принимаю факт о Йоргене, то каково должно быть этому мужчине?

– Вы простите меня, просто... – Он осёкся, ища слова. – Так давит это. Меня Андерш зовут.

– Орли.

– «Мой свет», если не ошибаюсь? – Он улыбнулся, и меня вновь кольнуло.

– Вы правы. – Скрывая свою нервозность, я отпила из бокала.

– А что с вашей жизнью?

– Моего мужа, как и всех, забрала бабочка. – Я повернула кисть и показала свою татуировку. – Моя появилась два дня назад. Теперь у меня есть двадцать девять дней на поиск сокровенного смысла жизни.

– Сожалею.

– Вы ведь сами сказали, мы с вами мало чем отличаемся.

Я улыбнулась. Необъяснимое тепло разливалось по телу. До смешного глупо всё это в тридцать два.

– Ладно, мне пора. – Его слова насторожили меня. – Вас проводить, Орли?

– Я не против.

V

Район станции Некруссен. Букет белых лилий и внутреннее спокойствие. Я позвонил в домофон.

– Входи, – раздался голос Орли.

Мне приходилось несколько раз останавливаться на лестнице: сухой кашель буквально сбивал меня с ног. Недуг начался пару дней назад и одолевал приступами по несколько раз в день.

– Это ты так кашлял? – спросила она, принимая цветы

– Да, что-то с горлом.

– Проходи на кухню, сейчас что-нибудь придумаем.

Разувшись, я окинул взглядом квартиру. Уютно. Чувствуется, что здесь живёт женщина. Внезапно я ощутил удивительно знакомый запах. Такой аромат бывал в нашем доме, когда простывала дочка, и жена готовила ей простой сахарный сироп.

– Вот, выпей. Только осторожно – горячее.

Орли протянула мне ложку с вязкой жидкостью коньячного цвета.

Да, это было то самое средство от кашля – плавленный сахар.

Потеряв контроль, я заплакал.

Воспоминания нахлынули с неведомой силой. В голове проносились картины прошлой жизни. Я помнил всё. Как встретил Анну, как родились у нас Кирси и Эспен, звонки о бражниках и последнюю записку.

Орли молча обняла меня. Шторм негодования рос во мне, но сил не было никаких. Ей осталось четырнадцать дней, и я не мог ничего с этим поделать.

– Орли, ты мой смысл.

Она нежно обхватила мою голову руками и посмотрела в глаза.

– А ты – мой.

VI

Два дня.

Жизнь обрела смысл в последний месяц. Мы сидим в гостиной, залитой светом ночных фонарей. Тихая музыка сливается со звуком его дыхания. Вся вселенная заключена в это мгновение. Спокойное течение любви. Мне бы так хотелось остановить время, остаться здесь и с ним.

– Ты ведь пойдёшь со мной в «Институт»?

– Хочешь, чтобы я был рядом?

– Очень.

– Хорошо.

Его прикосновения, взгляд, запах, воспоминания о нас – это всё, что я заберу.

Верю в карму.

VII

– Подожди, сейчас вернусь.

Она сидит в кабинете совершенно одна, спиной к двери, так что открывается невероятный вид на закат через окно во всю стену. Исследования показали, что закат это лучшее лекарство от нервозности. Врач только что вышел со словами:

– Немного в горле будет першить, а так больше никаких побочных явлений. Вы остаётесь в сознании до тех пор, пока солнце не скроется за горизонтом. – И занялся подготовкой инъекции.

Найдя стул, спиртовую горелку, две ложки и несколько кубиков сахара, я подошёл к доктору.

– Я с ней, мистер Триггви. – Так звали врача, согласно нашивке на халате.

– В каком смысле?

– Хочу, чтобы вы мне тоже сделали укол.

– Но вы ведь «последний»?

– Да, я «последний», но не хочу быть одиноким. Она – мой свет. Вы мне можете?

– Она ваш смысл? Это и есть ответ?

– Да.

– Значит всё дело в любви? – спросил он, опустив голову, словно вспоминая о тех, кого потерял.

– Именно. Так вы мне можете?

– Почему бы и нет. В конце концов, я – лишь мелкий персонал и тоже уже обречён. –

Триггви показал своего бражника.

Когда я вошёл в комнату, лицо Орли стало озадаченным.

– Зачем это? – спросила она, бросая взгляд на найденные мной предметы.

– Сахар – чтобы унять боль в горле. Горелка – для сиропа. Ну а стул... – Я лишь пожал плечами и сел рядом с Орли.

В тот момент, когда сахар полностью растаял, зашёл врач.

Орли развернула руку, так чтобы можно было сделать укол в вену. Она смотрела, как жидкость из шприца перетекает в её кровь, и, когда иголка выскользнула из её руки, я дал ей ложку сиропа. Триггви взял новый, полный шприц, и подошёл ко мне.

– Что происходит, Андерш?

– Орли, свет мой, без тебя меня нет. Поэтому...

Оставив фразу на полуслове, я развернул руку. Жидкость побежала по венам. Когда врач вышел, Орли подала мне мою порцию сахара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.